

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 343.98

DOI: 10.17223/22253513/27/1

А.С. Андреев

ПОВЕДЕНИЕ (ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ) ЛИЦ, СЛУЧАЙНО ОКАЗАВШИХСЯ УЧАСТНИКАМИ ПРЕСТУПНОГО СОБЫТИЯ, КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОТ ПОСТАНОВКИ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ К РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье впервые в криминалистической науке отдельно исследуются проблема поведения (деятельности) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, и отражающие их закономерности. При исследовании поставленной темы использовался ранее практически не применяемый инструментальный системного криминалистического познания. Полученные новые системы знаний, теоретические положения призваны существенно дополнить и развить криминалистическую науку.

Ключевые слова: криминалистика, предмет, закономерности, механизм преступления.

Актуальность статьи. Современное развитие государства и общества сопровождается признанием прав и свобод человека высшей ценностью (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Поэтому проблемы охраны жизни, здоровья и неприкосновенности личности приобретают особую актуальность и вызывают необходимость всесторонней их проработки. Уголовная политика и законодательство России декларируют защиту жизни, здоровья и неприкосновенности человека. В этой связи состояние корыстно-насильственной преступности и эффективность борьбы с ней становятся важными индикаторами нравственной и социальной зрелости общества, способности государства и его структур выполнять продекларированные обязательства [1].

Однако приходится констатировать распространенность тяжких насильственных преступлений в России за последние 25 лет, о чем свидетельствуют как динамика количественных показателей, так и негативные качественные изменения [2].

Закономерности и тенденции развития современной преступности связаны с эффективностью и оптимизацией всей правоприменительной системы, в том числе и деятельности органов внутренних дел. В этой связи следует отметить, что в настоящее время субъекты раскрытия и расследо-

вания преступлений работают в сложной обстановке, которая обусловлена тем, что в последние годы постоянно возрастала нагрузка, превысив в два и более раза научно обоснованные нормы [3, 4].

Одним из обстоятельств (как препятствующих, так и способствующих), влияющих на раскрываемость тяжких насильственных преступлений, являются наличие (или отсутствие) и содержание поведения лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события.

Несмотря на то что вопросы поведения лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, и закономерности, составляющие такое поведение, более 30 лет включаются в механизм преступления, они ранее самостоятельно и отдельно в криминалистике не исследовались. Познавательная ситуация в науке криминалистике при изучении поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, характеризуется рядом вопросов, неточностей, противоречий, отсутствием разработок теоретического и прикладного характера.

Указанные обстоятельства определили актуальность и значимость темы исследования, часть результатов которого представлена в рамках данной статьи.

Объектом исследования в статье выступили явления, процессы и ситуации докриминальной, криминальной, посткриминальной действительности, вызванные поведением лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, связанных как с преступной деятельностью, так и с деятельностью по раскрытию и расследованию преступлений.

Гипотеза исследования – наличие фактов повторяемости и типичности поведения лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, дает возможность изучать закономерности объективной действительности, входящие в предмет криминалистической науки.

Предмет – закономерности поведения лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события.

Цель – выявление ранее не изученных закономерностей поведения лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события (криминальный и посткриминальный периоды).

При исследовании поставленной гипотезы использовался ранее практически не применяемый инструментарий системного криминалистического познания, а именно:

а) по специально разработанной анкете нами исследованы 127 видео-эпизодов резонансных тяжких насильственных преступлений (запечатленных видеосъемками наружного наблюдения, видеорегистраторами, мобильными телефонами, беспилотными летательными аппаратами [5–7] и другими средствами фиксации);

б) опрошены 500 граждан Южного федерального округа России, участвовавших на месте преступного события в качестве потерпевшего и / или очевидца;

в) проинтервьюированы 73 субъекта расследования преступлений, прибывших на место события преступления;

г) проанализированы 100 уголовных дел по тяжким преступлениям корыстно-насильственного характера.

По нашему мнению, конструирование такого инструментария познания позволяет ученому-криминалисту наиболее полно и детально исследовать события как криминального, так и посткриминального характера [8] применительно к большинству актуальных проблем теории и практики криминалистики¹.

Автором статьи к познанию объектов криминалистического исследования и закономерностей изучаемого поведения лиц применялись следующие *подходы*: деятельностный [9], ситуационный [10], системный [11] и синергетический.

Методологией исследования выступили положения диалектического материализма, теории отражения, теории улик поведения, теории хаоса и ряда других.

Статья состоит из введения (актуальность, объект, гипотеза, предмет, методы, подходы и методология исследования, структура), основной части (обзор и выход на познавательную проблему, исследовательская часть, выводы и рекомендации) и заключительной части.

Обзор и выход на познавательную проблему. Содержание криминалистической науки в целом и частных криминалистических учений в частности предопределено спецификой объекта познания.

С позиций философии, в понимании объекта теории можно выделить реалистический, номиналистический, логико-методологический аспекты.

В философской и науковедческой литературе достаточно подробно подвергнуты критике реалистический и номиналистический аспекты. Криминалистическое же понимание объекта теоретического знания связано с логико-методологическим аспектом.

В системе криминалистических знаний диалектический метод познания преступной и посткриминальной действительности является основополагающим на протяжении многих десятилетий.

Одним из постулатов логико-методологического подхода является то, что объекты познания не наблюдаемы. В связи с чем одним из первых философских вопросов, который может возникнуть при исследовании объекта криминалистического познания, является: не теряют ли статус теоретического знания те объекты (преступная и / или посткриминальная действительность в их криминалистическом аспекте), которые ранее были не наблюдаемыми, а теперь, благодаря развитию научно-технического прогресса в информационном обществе и цифровой экономике, становятся наблюдаемыми (например, онлайн-трансляции СМИ в режиме реального времени, видеокамеры, ютуб-каналы, мессенджеры, системы «Безопасный город» и т.д.).

¹ Отметим, что опрос лиц, отбывающих наказание по тяжким и особо тяжким преступлениям, не дал достоверных результатов, применительно к поставленной цели и задачам исследования в рамках статьи, и поэтому не представлен нами в данной работе.

Для криминалистики решение данного философского вопроса, учитывая особенности раскрытия и расследования преступлений (в том числе в некоторых случаях и судебного рассмотрения), в которых реализуются эти знания, а именно борьба с преступностью, возможно по следующим направлениям:

- включение виртуальной и дополненной реальности в объекты познания криминалистики;
- разработка методологических регулятивов допущений наблюдаемых процессов, явлений в криминалистике;
- выявление, систематизация, дальнейшее изучение наблюдаемых и ненаблюдаемых явлений и закономерностей преступной и / или посткриминальной действительности.

Считаем, что изучение объектов криминалистического познания и привлечение предметных закономерностей особо актуальны по тем направлениям, которые носят лакунарный характер (черные дыры, белые пятна). К примеру, это поведение лиц, случайно оказавшихся на месте происшествия, улики поведения в виртуальной среде, онлайн-трансляции мессенджеров, посткриминальное поведение лиц, связанных с преступной деятельностью.

Закономерности механизма преступления как сегмент предмета криминалистики рассматриваются более 30 лет.

В криминалистической науке проблемам механизма преступления и его закономерностей посвящены работы известных российских ученых-криминалистов А.Н. Васильева, А.В. Варданяна, И.А. Возгрина, Р.С. Белкина, А.Ю. Головина, З.И. Кирсанова, Ю.Г. Корухова, А.С. Князькова, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина, С.И. Цветкова, В.А. Образцова, Н.П. Яблокова и ряда других. Применительно к теме статьи особо отметим успешно защищенное исследование А.М. Кустова на уровне докторской диссертации «Криминалистическое учение о механизме преступления» (цит. по: [12]).

Зарубежный обзор и научно-тематический анализ юридической литературы показал многогранность подходов и аспектов проблемы, определенной нами в статье. В подтверждение отметим ряд авторов и их идей как концептуального, так и прикладного характера: Kelly Frailing исследовала криминологические аспекты поведения человека в бедствиях (ураганы Хьюго и Катрина) и при совершении преступлений, которые произошли по следам этих штормов, что требовало от автора иных методов для объяснения поведения лиц в таких условиях и дало направление для дальнейших научных объяснений [13]; Rick Ruddell отмечает, что бум растущих городов вызывает намного более высокий объем и тяжесть преступлений, чем в других, этим обусловлено изменение в распределении преступности на современном этапе; автором раскрывается природа конфликта и поведения (в том числе и посткриминальный период) сообщества (между вновь прибывшими и местными жителями) и группы жителей [14]; Anastasia Powell изучила сексуальное насилие в цифровой век и поведение отдельных лиц до и после его совершения [15]; Marc Jonathan Blitz иссле-

дует проблему Пятой поправки и дачи невыгодных для себя показаний. При этом нейроотображение поднимает сформулированную проблему (не имеющую простого ответа) наличия в законе о Пятой поправке двух взаимоисключающих подходов, потому что выступают в посткриминальной действительности и как заявление свидетеля (или «свидетельство»), и как вещественное доказательство (кровообращение, артериальное давление или другие физиологические процессы) [16]; Ronn Johnson исследовал те или иные виды поведения для глубокого понимания особых процессов, которые объясняют конкретный вид использования оружия юными членами банд [17]; Katina Michael рассматривала особенности поведения осведомителей при раскрытии и расследований киберпреступлений [18]; David C. Gray, Stephen E. Henderson, Alex Marthews и Catherine Tucker рассмотрели проблемы онлайн-наблюдения как фактор, воздействующий на поведение тех или иных лиц, в том числе случайно попавших под такое наблюдение в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина, а также вопросы отслеживания местоположения по делам о терроризме и киберпреступности [19].

Поведение лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, как элемент системы механизма преступления введен профессором Р.С. Белкиным в 1986 г. [20].

Криминалистические вопросы поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, как элемент системы механизма исследованы А.М. Кустовым (1997 г.), который в диссертационном исследовании отметил, что «в состав элементов механизма преступления (его основную часть) следует включить действия и поступки лиц, оказавшихся косвенно, часто случайно, связанных с преступным событием».

М.А. Берестнёв [21] выявил, что в 88,8% исследованных по уголовным делам случаев разбойных нападений, совершение преступлений сопровождалось физическим и насилием над потерпевшим, в том числе случайно оказавшимся на месте преступления лицами.

Ю.Б. Лебедева [22] и А.Н. Мартынов [23] занимают позицию, аналогичную позиции Р.С. Белкину [24].

На наш взгляд, познавательная ситуация в науке криминалистике при изучении поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, характеризуется рядом вопросов, неточностей, противоречий, отсутствием разработок теоретического и прикладного характера, а именно:

1. Имеются ли (и какие) закономерности поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события.

2. Наличие противоречия между традиционным двуединым объектом и предметом криминалистики (закономерностями механизма преступления и закономерностями, связанными с преступлениями в до- и посткриминальный периоды).

3. Необходимо изучать по структуре действия и поступки лиц, случайно оказавшихся на месте преступления; поведение или деятельность.

4. Наличие и характер связи с другими элементами механизма преступления.

5. Содержание субъекта данного вида поведения: очевидец и / или потерпевший. Периоды и содержание такой деятельности.

6. Каковы соотношение связи «жертва – преступник» и поведение лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события.

7. Язык криминалистики по отношению к поведению лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, содержит неточности, неясности, противоречия.

8. Не установлен характер влияния поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, на содержание криминальных и посткриминальных ситуаций, исходных следственных ситуаций (в том числе и на тактику проверки сообщения о преступлении).

9. Существует проблема выявления материальных следов поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, и формирования идеальных следов у таких участников.

10. Вопросы получения новых систем криминалистических знаний.

Как было отмечено во введении, для разрешения данной познавательной ситуации нами по специально разработанной анкете исследованы 127 видеоэпизодов резонансных тяжких насильственных преступлений; опрошены 500 граждан Южного федерального округа РФ, участвовавших на месте преступного события в качестве потерпевшего и / или очевидца; проинтервьюированы 73 субъекта расследования преступлений, прибывших на место события преступления; проанализированы 100 уголовных дел по тяжким преступлениям корыстно-насильственного характера.

Исследовательская часть. По специально разработанной анкете исследованы 127 видеоэпизодов резонансных тяжких насильственных преступлений.

По изученным видеоэпизодам 34% составляют групповые тяжкие насильственные преступления, т.е. несмотря на тяжесть и вид преступления, организованность, групповой характер и подготовку в ряде ситуаций, случайное появление тех или иных лиц существенно влияет на изменение механизма тяжких насильственных преступлений, процессов возникновения следов, исходных следственных ситуаций (в сторону очевидности, благоприятности, конфликтности), тактики проверки сообщения о преступлении.

Количество лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события на месте происшествия, в различные периоды неодинаково: в докриминальный период – в среднем 1,2 чел.; криминальный – в среднем 1,6 чел.; посткриминальный период – в среднем 3,2 чел. Специфика изученных нами тяжких насильственных преступлений заключается в том, что 100% – это очевидцы, поскольку потерпевший и так находится на месте преступления, хотя мы не исключаем возможности

случайного появления потерпевшего и вызванного этим фактом его поведения. По данной категории поведение лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, в количественном соотношении наиболее часто проявляется в посткриминальный период.

Изученные эпизоды, как правило, включают способы тяжкого насильственного преступления: заранее подготовленный характер – 41%, без подготовки – 53% (в 6% случаев не установлено); с наличием сокрытия тяжкого насильственного преступления – 48% и без такового – 24% (в 28% случаев не установлено). Исследованные эпизоды протекают от 5 секунд до 1,5 часов. Среднее время эпизода составляет 5 минут 57 секунд (криминальный период – 1 минута 5 секунд, посткриминальный – 4 минуты 52 секунды). Совершены на открытой местности 66% изученных эпизодов. В вечернее и ночное время совершено 65% изученных эпизодов. В 9% случаев тяжкое насильственное преступление совершено в условиях полной неочевидности (например, обнаружение очевидцами трупа). Очевидцы наблюдают в 71% (наибольшее количество) на расстоянии от 3 до 7 метров; 23% – на расстоянии более 7 метров; 6% – на расстоянии от 1 до 3 метров. Таким образом, лица, случайно оказавшиеся участниками (активными и пассивными) тяжкого насильственного преступления, в большинстве случаев воспринимают в полном объеме не только механизм преступления, но идентификационные признаки виновных, места нахождения материальных следов, у таких лиц возникают идеальные следы.

Активность поведения (деятельности) изучаемых лиц в различные периоды неодинакова: в докриминальный период – в 92% случаев, как правило, только наблюдают за подготовкой к преступной деятельности, не препятствуют совершению и не скрываются; в криминальный период – 64% случаев, как правило, только наблюдают за подготовкой к преступной деятельности, не препятствуют совершению и не скрываются; в посткриминальный период – в 31% случаев, как правило, только наблюдают за подготовкой к преступной деятельности, не препятствуют совершению и не скрываются. Таким образом, с каждым из этапов на треть в процентном соотношении изменяется поведение лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события тяжкого насильственного преступления. Оно превращается и видоизменяется от наблюдения на расстоянии к препятствованию совершению, собственному бегству с места преступления, вызову «подмоги», оказанию помощи потерпевшему, вызову скорой помощи и полиции, установлению лиц, совершивших преступление, материальных следов, и сами лица становятся носителями идеальных и создателями виртуальных следов. Например, после убийства бывшей жены и огнестрельного ранения тестя Сергеем К. на трассе Ростов–Таганрог, последний скрылся на автомобиле, а проезжающие водители вызвали скорую помощь, полицию и остановили проезжающий медицинский экипаж для оказания первой неотложной помощи. В процессе ожидания лица, случайно оказавшиеся на месте убийства после его совершения, также установили, кто со-

вершил и каким способом, особо тяжкое преступление. «Это бывший муж моей дочери! Застрелил из пистолета, но есть и ружье», – из отрывка видеозаписи раненого тестя, полученного на мобильный телефон (эксплуатационный из Ростова-на-Дону добывал жену и тестя в упор на глазах у очевидцев, ntv.ru). Отметим, что процесс формирования следов по данному преступлению не окончился на месте убийства. Так, на одном из сайтов, спустя определенное время, появились следующие комментарии. «Я остановился третьим или четвертым по счету и пошел смотреть, могу я помочь или нет. В первый момент я подумал, что человека сбили, но потом увидел выходные отверстия от пули. Мужчина лежал под углом 45 градусов к машине и слабо шевелился. Возле него уже было 2 человека. Примерно через минуту он начал более активно себя вести, видимо, стал приходить в сознание. В это время по трассе в сторону Ростова проезжала скорая, везла женщину в больницу. Мы остановили ее, и врач из скорой начала оказывать первую помощь. Примерно через 5 минут приехал наряд ДПС вместе с еще одной скорой, еще через 2 минуты наряд ППС. Пострадавший, до того как его увезли, назвал на телефон одному из очевидцев имя и фамилию стрелявшего. Он его знал. Я уточнил у полиции, нужны ли мои показания. Они сказали, что хватит показаний того, кто остановился первым»².

При этом поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события тяжкого насильственного преступления, выражается как в форме посткриминальных переживаний и поступков, вызванных преступной деятельностью (хватание за голову, крики, закрытие глаз и т.д.), – 39% случаев [3], так и деятельностью в отношении: виновного и связанных с ним лиц – 29% случаев (уговоры, крик, воспрепятствование совершению), жертвы – 57% (помощь, уговоры), собственных интересов и безопасности – 74% (попытка скрыться), по фиксации и сообщению о совершении общественно опасного деяния с помощью средств сотовой связи – 62%.

Нами проведено изучение мнения путем опроса более 500 граждан Южного федерального округа РФ, участвовавших на месте преступного события в качестве потерпевшего и / или очевидца.

Из опрошенных очевидцев 388 человек указали, что действовали на месте преступления 425 виновных и связанных с ним лиц, 377 жертв и 986 других очевидцев, которые так или иначе реализовывали исследуемое нами поведение. Отдельно указанный вопрос нами рассматривался ранее, в рамках настоящей статьи нами представлен ряд значимых результатов и выводов проведенного опроса, полученный в ходе анализа статистических данных.

Так, из 161 опрошенного очевидца 115 человек наблюдали воздействие на жертву или очевидцев, а 46 были подвергнуты воздействию со стороны преступников и связанных с ним лиц.

² Более подробно см.: https://pikabu.ru/story/v_rostove_byivshiy_politseyskiy_zastretil_biyvshuyu_zhenu_5185408.

Были отмечены следующие способы посткриминального воздействия на жертву и очевидцев: подкуп, задабривание – 36 (22,36%); уговоры – 12 (7,45%); угрозы убийством и нанесением телесных повреждений – 35 (21,74%); запугивание – 67 (41,6%).

Посткриминальное воздействие осуществлено: виновным – 83 раза, родственниками виновного – 36; знакомыми виновного – 42 раза.

Позитивное посткриминальное поведение традиционно проявляется на месте происшествия среди очевидцев и жертв.

Наиболее безразлично к преступной деятельности относятся очевидцы (56%) и ведут себя безучастно на месте преступления после его совершения либо их поведение носит уликовый характер.

Поведение отдельно взятого очевидца на месте преступления в посткриминальный период может содержать в себе прямо противоположные, а иногда и алогичные действия и поступки.

Типовой моделью посткриминального поведения очевидцев и других лиц (чуть менее 50% случаев) является проявление контрдействий и поступков: позитивное поведение – противодействие расследованию. Посткриминальное поведение лиц взаимосвязано с деятельностью по раскрытию и расследованию преступлений.

Особо отметим, что очевидцы в 45,36% наблюдали прибытие сотрудников полиции (из 388 – 176 чел.). Очевидцы указали, что знали в 48,5% случаев, куда скрылся виновный (65 из 134 лиц): а) домой (41 чел.); б) к знакомым (8 чел.); в) в места досуга (5 чел.); г) в другую местность (11 чел.). Из них 176 очевидцев были опрошены 144 чел. (81,8%) прибывшими на место сотрудниками полиции. При этом оставшиеся 212 очевидцев, которые не наблюдали прибытие сотрудников полиции, были опрошены в 59 случаях (27,8%). Из 388 очевидцев, находившихся на месте преступления, сотрудниками полиции были опрошены 203 чел. (52,3%). Из 185 неопрошенных очевидцев на месте преступления 48 были допрошены в качестве свидетеля (25,9%). Из 169 опрошенных жертв заявили о совершении преступления 114 чел. (67,45%), из них находились на месте преступления до прибытия сотрудников полиции 96 чел. (84,2%) [24].

Проинтервьюированы 73 субъекта расследования преступлений, прибывших на место события преступления.

Опрос следователей, дознавателей, оперуполномоченных уголовного розыска проведен нами в Южном федеральном округе с 2016 по 2017 г. (n = 173).

Полученные результаты показали, что в 72% случаев данные субъекты сталкивались в практической деятельности с понятием «механизм преступления», а на поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, как элемент механизма преступления указали только 18% респондентов. Для сравнения отметим, что А.М. Кустов, ранее исследовавший данные вопросы, с 1998 по 2004 г. получил более высокие процентные показатели: 90 и 22,8% соответственно.

При этом в ходе опроса 92% респондентов отметили, что при проверке сообщения о преступлении поведение лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, существенно влияет на тактику проведения проверки такого сообщения. На отсутствие необходимых криминалистических разработок по воздействию на поведение лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, обнаружение материальных следов, проблемы идентификации по идеальным следам указали чуть более половины респондентов (51%).

Изучение уголовных дел о тяжких насильственных преступлениях. В процессе исследования по специально разработанной анкете были изучены 100 уголовных дел о тяжких и особо тяжких насильственных преступлениях, рассмотренных судами Ростовской области.

В среднем на одно исследованное уголовное дело приходится 1,62 эпизода, 24,3% изученных случаев представляют собой эпизоды особо тяжких преступлений.

Результаты проверки позитивного посткриминального поведения использовались в дальнейшем расследовании в 94% случаев; использовались не в полном объеме в 6% случаев.

В результате проверки позитивного посткриминального поведения получены исходные данные для определения тактики отдельных следственных действий, которые использовались:

- при задержании соучастников преступления – 2,7%;
- допросе явившегося с повинной – 23,8%;
- допросе свидетелей – 14,6%;
- допросе потерпевших – 13,2%;
- допросе соучастников преступления – 17%;
- проведении очной ставки – 7,5%;
- производстве обыска – 14,2%;
- производстве других следственных действий – 7%.

Выводы и рекомендации. Результаты проведенного исследования в рамках данной статьи позволяют сделать следующие выводы и дать рекомендации теоретического и прикладного характера:

1. Обзор и научно-тематический анализ юридической литературы показал палитру и архитектурное многообразие научных исследований поведения лиц, так или иначе связанных с преступностью (в том числе и оказавшихся на месте преступного события случайно).

Мы считаем, что в преступной и посткриминальной действительности, как части социальной действительности, существует достаточно специфическая, ранее отдельно не изучавшаяся учеными-криминалистами группа закономерностей поведения (деятельности) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события.

Случайность появления очевидца и / или потерпевшего на месте совершения в до-, криминальный и посткриминальный периоды не означает отсутствия в их поведении (деятельности) определенных закономерностей,

имеющих криминалистическое значение. «Случайность» поведения (деятельности) лиц, оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события – это свойство, критерий, отношения элемента системы, очерченные конструктом «механизм преступления». Сказанное означает, что случайность (случайное) относится только к процессу появления, вовлечения лиц в пространственно-временном отрезке преступного события, в этом смысле лица случайно оказываются участниками (активными и пассивными) преступного события, но дальнейшее их поведение закономерно, хотя иногда носит хаотичный и неосознанный характер [3]. При этом использование такого термина, как «случайное», хотя и выступает как исторически сложившееся словосочетание, но при этом носит условный характер, поскольку является проявлением закономерностей социальной действительности, обусловленных явлениями и процессами, не связанными с механизмом преступления и другими криминалистически значимыми проявлениями. Таким образом, такой исторический подход и некоторая условность «случайности» для криминалистической науки не лишают возможности познания новых закономерностей поведения (деятельности) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, и, основываясь на таком познании, необходимо разрабатывать криминалистические приемы, средства и методы, что соответствует задачам науки и ее предмету.

2. Нами отмечалась проблема наличия противоречия между традиционным двuedиным объектом и предметом криминалистики (закономерностями механизма преступления и закономерностями, связанными с преступлениями в до- и посткриминальный периоды).

Структура объекта криминалистической науки представляет собой, с одной стороны, преступную деятельность; посткриминальное поведение лиц, связанных с преступной деятельностью; а с другой – деятельность по раскрытию и расследованию преступлений (а в некоторых случаях – и деятельность по судебному разбирательству) [24, 25].

3. Считаю, что более точным будет использование термина «поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события». При этом, на наш взгляд, нет необходимости изменять с лиц, «случайно оказавшихся» (по Р.С. Белкину) на «косвенно оказавшихся, часто случайно» (по А.М. Кустову), как участников преступного события, поскольку это носит исключительно этимологический и семантический аспект проблемы.

4. Исследование подтвердило наличие и характер связей с другими элементами механизма преступления, что требует их дальнейшего познания.

5. Субъект данного вида поведения в широком смысле – очевидец и (или) потерпевший, в узком – только очевидец. Периоды и содержание их деятельности требуют изучения применительно к отдельным видам и группам преступлений.

6. Связь «жертва – преступник» включает как часть проблемы поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события.

7. Криминалистика в целом и отдельно взятое криминалистическое учение (теория) в частности выступают как теоретическая система знаний, соподчиненная законами диалектики с криминалистическими категориями, понятиями, терминами и суждениями. Частные криминалистические теории, как и любые другие научные теории, обладают собственным понятийным аппаратом, т.е. языком теории (учения). Для опредмечивания явлений, процессов преступной и / или посткриминальной действительности описание криминалистических закономерностей, образующих предмет науки или частной теории (учения), для решения других задач криминалистики, создается и используется язык науки.

Язык криминалистики практически не отражает или носит второстепенный характер в основных категориях, терминах и понятиях по отношению к поведению лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, что особенно проявляется применительно к кризису криминалистической характеристики преступлений, механизма преступления, соотношения способа совершения и способов сокрытия преступлений и в целом противодействия расследованию, как и ограничивает возможность познания посткриминального содействия раскрытию и расследованию преступлений и многих других вопросов.

8. Доказано влияние поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, на содержание криминальных и посткриминальных ситуаций, исходных следственных ситуаций (в том числе и на тактику проверки сообщения о преступлении).

9. Проблема выявления материальных следов поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, и формирования идеальных следов у таких участников.

10. Назрела теоретико-прикладная необходимость, с одной стороны, изучения закономерностей поведения (деятельности) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события [26–31], а с другой – изучения потребности формирования частной криминалистической теории о посткриминальном поведении и комплексной методики расследования посткриминальных преступлений, в том числе совершенных лицами, случайно оказавшимися участниками (активными и пассивными) преступного события (например, самосуд на месте задержания педофила), как различных и значимых систем криминалистических и других знаний обеспечения борьбы с преступностью [32, 33].

Таким образом, *гипотеза* исследования в рамках статьи доказана и требует дальнейшей проверки и интеграции в различных подсистемах криминалистических знаний.

В заключение отметим вопросы теоретической и практической значимости проведенного исследования. Теоретическая значимость проведенного исследования состоит, прежде всего, в том, что на основе обобщения и анализа достижений в области криминалистики ставится фундаментальная проблема необходимости получения новых криминалистических знаний при познании закономерностей поведения (деятельности) лиц, случайно

оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, на примере тяжких насильственных преступлений. Представляется, что новые системы знаний, теоретические положения призваны существенно дополнить и развить криминалистическую науку. Практическая значимость исследования определяется общей направленностью по обогащению знаний о современном состоянии борьбы с тяжкими насильственными преступлениями, по совершенствованию правовых, организационных, методических и тактических основ деятельности функционально определенных субъектов по раскрытию и расследованию этих преступлений, в том числе воздействию и управлению данным видом человеческого поведения при осуществлении криминалистической деятельности.

Литература

1. Варданян А.В. Раскрытие и расследование тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности: криминалистические и оперативно-розыскные аспекты. Ростов н/Д : ФКГОУ ВО РЮИ МВД России, 2016. 232 с.
2. Варданян А.В., Говорухина Е.В. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как основание для их криминалистической классификации. Типичные места совершения насильственных преступлений против личности // Юристъ – Правоведь. 2015. № 3 (70). С. 34–38.
3. Варданян А.В., Андреев А.С. Эмоциональные переживания и суицидальные поступки как часть посткриминального поведения лиц и их значение для раскрытия и расследования убийств (криминалистические и психологические аспекты) // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 74–78.
4. Варданян А.В., Мельникова О.В. Методика построения психолого-криминалистического портрета преступника как средство повышения эффективности раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности // Научные труды SWorld. 2013. Т. 26, № 2. С. 88–96.
5. Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как объекты криминалистического исследования: обзор, прогнозы, проблемы // Проблемы развития современной науки : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 11–18.
6. 김민규; 박준규, Min-Gyu Kim, Joon-Kyu Park. Assessment of Unmanned Aerial Vehicle for Management of Disaster Information // 한국산학기술학회논문지 = Journal of the Korea Academia-Industrial Cooperation Society. 2015. Vol. 16, № 1. P. 697–702.
7. James Thomas Ogg. (May 2015). Preventive Justice and the Power of Policy Transfer. URL: <http://www.palgraveconnect.com/pc/doifinder/10.1057/9781137495020.0009> (Accessed: 28 November 2015).
8. Andreev A.S. A False Alibi as a Component of Criminal Activity and Post-Criminal Behavior of the Participants of the Investigation and Assize // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2014. Vol. 5, № 2. P. 57–62.
9. Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 148–152.
10. Волчецкая Т.С. Современные направления развития криминалистики как науки и как учебной дисциплины // Вестник Башкирского университета. 2015. № 1. С. 349–353.
11. Головин А.Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 3–10.

12. Кустов А.М., Шимановская К.Е. Некоторые современные средства и методы получения, накопления и сохранения информации о механизме преступления // Успехи в химии и химической технологии. 2016. № 5 (174). С. 40–42.
13. *Frailing K.* Criminology and Justice, Loyola University New Orleans, New Orleans, Louisiana, USA; Toward a Criminology of Disaster: What We Know and What We Need to Find Out; 1–31. New York : Palgrave Macmillan US: Palgrave Macmillan. URL6 http://www.worldcat.org/title/the-case-for-a-criminology-of-disaster/oclc/7080434930&referer=brief_results (Accessed: 28 November 2015).
14. *Ruddell Rick Dr.* Justice Studies, University of Regina, Regina, Saskatchewan, Canada; Oil, Gas, and Crime: The Dark Side of the Boomtown; 183–207; New York : Palgrave Macmillan US : Palgrave Macmillan. URL: <http://www.worldcat.org/title/explaining-boomtown-effects/oclc/7088178447&referer=briefresults> (Accessed: 28 November 2015).
15. *Powell A.* Justice and Legal Studies, RMIT University, Melbourne, Victoria, Australia; Sexual Violence in a Digital Age; 23–47. London : Palgrave Macmillan UK : Palgrave Macmillan. URL: <http://www.worldcat.org/title/sexual-violence-a-feminist-criminological-analysis/oclc/7073867190&referer=briefresults> (Accessed: 28 November 2015).
16. *Blitz Marc Jonathan.* Oklahoma City University School of Law, Oklahoma City, USA; Searching Minds by Scanning Brains : Neuroscience Technology and Constitutional Privacy Protection; 59–79; Cham : Springer International Publishing : Palgrave Macmillan.
17. *Ronn J.* University of San Diego, USA, Gaming and Technology Addiction; Forensic Psychological Perspectives on Youth Gang Involvement in Juvenile Fire Setting and Bomb Making Weapons Cases. Information Science Reference. Chapter 39. 2017. P. 862–882.
18. *Katina Michael.* University of Wollongong, Australia; Dan DeFilippi Affiliation: Independent Researcher, USA, Online Banking Security Measures and Data Protection; Information Science Reference. Chapter 15. 2017. P. 263–282.
19. *David C. Gray, Stephen E. Henderson.* The Cambridge handbook of surveillance law. 2017. xv, 770 pages: illustrations, maps; 27 cm.
20. *Белкин Р.С.* Общая теория советской криминалистики. Саратов, 1986.
21. *Берестнёв М.А.* Методика расследования разбойных нападений на автодорогах вне населенных пунктов, совершаемых организованными преступными группами : дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2010. 254 с.
22. *Лебедева Ю.Б.* Особенности доказывания с использованием специальных знаний в условиях информационной неприкосновенности элементов механизма преступления // Государство и право. 2011. № 5. С. 227–228.
23. *Мартынов А.Н.* Криминалистические характеристики преступления и механизма преступления, их соотношение в системе типичных сведений о мошенничестве в сфере кредитования // Вестник Омского государственного университета. Сер. Право. 2014. № 4 (41). С. 210–215.
24. *Андреев А.С.* Посткриминальное поведение лиц, связанных с преступной деятельностью, на месте происшествия (результаты анкетного опроса) // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-10. С. 2275–2281.
25. *Андреев А.С.* Теоретико-прикладные вопросы уточнения объекта криминалистической науки // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2. С. 27–37.
26. *Андреев А.С.* Общая гипотеза криминалистического учения о посткриминальном поведении лиц, связанных с преступной деятельностью // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 2-2. С. 24–28.
27. *Андреев А.С.* Содержание и структура криминалистического учения о посткриминальном поведении лиц, связанных с преступной деятельностью // Казанская наука. 2015. № 3. С. 120–123.
28. *Don Mayer, Anita Cava, Catharyn Baird.* Crime and Punishment (or the Lack Thereof) for Financial Fraud in the Subprime Mortgage Meltdown: Reasons and Remedies for Le-

gal and Ethical Lapses // American Business Law Journal. Fall 2014. Vol. 51, № 3. P. 515–597.

29. Варданян А.А. Преступления, связанные с торговлей людьми, в контексте тенденции глобализации противоправных посягательств на свободу, честь и достоинство личности // Философия права. 2011. № 3 (46). С. 106–109.

30. Варданян Г.А. Преступления в сфере теневого фармацевтического рынка как объект криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 250–258.

31. Варданян А.В., Андреев А.С. Посткриминальное поведение и элементы криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьями 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (часть 3) // Юрист – Правовед. 2016. № 4 (77). С. 57–64.

32. Князьков А.С. Тактико-криминалистические цели и задачи получения и использования информации о личности обвиняемого при производстве следственных действий // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 89–93.

33. Князьков А.С. Тактическая задача как элемент поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 2. С. 12–31.

Andreev Alexander S., Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia (Rostov-on-Don, Russian Federation)

BEHAVIOR (ACTIVITY) OF THOSE INCIDENTALLY INVOLVED IN A CRIMINAL EVENT AS A CRIME MECHANISM ELEMENT: FROM ARTICULATION OF A SCIENTIFIC PROBLEM TO THE RESULTS OF RESEARCH

Keywords: criminalistics, subject, regularities, crime mechanism.

DOI: 10.17223/22253513/27/1

The target of research in the given article is the phenomena, processes and situations of a pre criminal, criminal and post-criminal reality caused by behavior of those incidentally involved in a criminal event and connected both with criminal activity and with the activities on the disclosure and investigation of crimes.

The purpose of the article is the detection of earlier unstudied regularities of behavior of those incidentally involved in a criminal event (criminal and post-criminal periods).

When researching the above hypothesis, the author applied the following tools of a system criminalistic knowledge: a) according to a specially developed questionnaire he examined 127 video episodes of heinous grievous violent crimes (fixed by CCTVs, video recorders, mobile phones, unmanned aerial vehicles [5], [6], [7] and other means of fixation); b) 500 citizens of the Southern Federal District of Russia involved in a criminal event as the injured party and/or the eyewitness were interviewed; c) 73 subjects of investigation of crimes who arrived to the place of an event of crime were interviewed and d) 100 criminal cases on grievous mercenary and violent crimes. In our opinion, the construction of such tools of knowledge enables the scientist-criminalist to examine fully and in details the events of both criminal and post-criminal character in relation to the majority of urgent problems of the theory and practice of criminalistics [8].

The author used the following approaches to getting knowledge about the objects of a criminalistic research and regularities of the behavior of persons under study: an activity [9] approach, situational [10], system [11] and synergetic ones.

Theoretical importance of the research is that the author defines the fundamental problem of the need to obtain new criminalistic knowledge, when examining the regularities of behavior (activity) of those incidentally involved (either actively or inactively) in a criminal event in the context of grievous violent crimes on the basis of generalization and the analysis of achievements in the field of criminalistics. It seems that new systems of knowledge and theoretical provisions are intended to add and develop criminalistics to a significant degree.

Practical importance of the research is determined by the general tendency to enrich the knowledge about current fight against grievous violent crimes by the improvement of legal, organizational, methodical and tactical bases for the activities of functionally determined subjects for disclosure and investigation of these crimes, including the influence and control of the above type of human behavior in terms of criminalistic activity.

References

1. Vardanyan, A.V. (2016) *Raskrytie i rassledovanie tyazhkih nasil'stvennykh prestupleniy protiv zhizni i zdorov'ya lichnosti: kriminalisticheskie i operativno-rozysknye aspekty* [Disclosure and investigation of violent crimes against the life and health of the person: forensic and operational-search aspects]. Rostov on Don: Ministry of Interior of the Russian Federation.
2. Vardanyan, A.V. & Govorukhina, E.V. (2015) Motivation of serious violent crimes against the person as a basis for their forensic classification. Typical places of committing of violent crimes against the person. *Yurist – Pravoved.* 3(70). pp. 34–38. (In Russian).
3. Vardanyan, A.V. & Andreev, A.S. (2016) Emotsional'nye perezhivaniya i suitsidal'nye postupki kak chast' postkriminal'nogo povedeniya lits i ikh znachenie dlya raskrytiya i rassledovaniya ubiystv (kriminalisticheskie i psikhologicheskie aspekty) [Emotional feelings and suicidal actions as part of the postcriminal behaviour of individuals and their significance for the disclosure and investigation of murders (forensic and psychological aspects)]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law.* 2(75). pp. 74–78.
4. Vardanyan, A.V. & Melnikova, O.V. (2013) Metodika postroeniya psikhologo-kriminalisticheskogo portreta prestupnika kak sredstvo povysheniya effektivnosti raskrytiya i rassledovaniya tyazhkih nasil'stvennykh prestupleniy protiv lichnosti [A method for constructing a forensic portrayal of a criminal as a means of increasing the effectiveness of disclosure and investigation of violent crimes against the person]. *Nauchnye trudy SWorld.* 26(2). pp. 88–96.
5. Andreev, A.S. (2015) Bepilotnye letatel'nye apparaty kak ob"ekty kriminalisticheskogo issledovaniya: obzor, prognozy, problemy [Unmanned aerial vehicles as objects of criminological research: review, forecasts, problems]. In: Sukiasyan, A.A. (ed.) *Problemy razvitiya sovremennoy nauki* [Problems of the Modern Science Development]. Ufa: Aeterna. pp. 11–18.
6. Min-Gyu Kim & Joon-Kyu Park. (2015) Assessment of Unmanned Aerial Vehicle for Management of Disaster Information. *Journal of the Korea Academia-Industrial Cooperation Society.* 16(1). pp. 697–702. DOI: 10.5762/KAIS.2015.16.1.697
7. Ogg, J.T. (2015) *Preventive Justice and the Power of Policy Transfer*. [Online] Available from: <http://www.palgraveconnect.com/pc/doifinder/10.1057/9781137495020.0009>. (Accessed: 28th November 2015). DOI: 10.1057/9781137495020.0009
8. Andreev, A.S. (2014) A False Alibi as a Component of Criminal Activity and Post-Criminal Behavior of the Participants of the Investigation and Assize. *Journal of Advanced Research in Law and Economics.* 5(2). pp. 57–62. DOI: 10.14505/jarle.v5.2(10).01
9. Vedernikov, N.T. (2014) The identity of the offender in criminalistics and criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 384. pp. 148–152. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/384/26
10. Volchetskaya, T.S. (2015) Modern trends of development of criminalistics as a science and as an academic discipline. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University.* 1. pp. 349–353. (In Russian).
11. Golovin, A.Yu. (2014) Problemy i puti sovershenstvovaniya metodik rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy [Problems and ways to improve the methods of certain types of crimes]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences.* 3(2). pp. 3–10.

12. Kustov, A.M. & Shimanovskaya, K.E. (2016) Some modern means and methods of obtaining, accumulation and preservation of information about the mechanism of the crime. *Uspekhi v khimii i khimicheskoy tekhnologii – Advances in chemistry and chemical technology*. 5(174). pp. 40–42. (In Russian).
13. Frailing, K. (n.d.) *Toward a Criminology of Disaster: What We Know and What We Need to Find Out*. New York: Palgrave Macmillan US. [Online] Available from: http://www.worldcat.org/title/the-case-for-a-criminology-of-disaster/oclc/7080434930&referer=brief_results. (Accessed: 28th November 2015).
14. Ruddell, R. (n.d.) *Oil, Gas, and Crime: The Dark Side of the Boomtown*. New York: Palgrave Macmillan US : Palgrave Macmillan. [Online] Available from: <http://www.worldcat.org/title/explaining-boomtown – effects/oclc/7088178447& referer=briefresults>. (Accessed: 28th November 2015).
15. Powell, A. (n.d.) *Sexual Violence in a Digital Age*. London: Palgrave Macmillan UK. [Online] Available from: <http://www.worldcat.org/title/sexual-violence-a-feminist-criminological-analysis/oclc/7073867190 &referer=briefresults>. (Accessed: 28th November 2015).
16. Blitz, M.J. (n.d.) *Searching Minds by Scanning Brains: Neuroscience Technology and Constitutional Privacy Protection*. Cham: Springer International Publishing; Palgrave Macmillan.
17. Johnson, R. (2017) Forensic Psychological Perspectives on Youth Gang Involvement in Juvenile Fire Setting and Bomb Making Weapons Cases. In: Information Resources Management Association. *Gaming and Technology Addiction*. Chapter 39. IGI Global. pp. 862–882.
18. Katina, M. (2016) Credit Card Fraud. In: Aljawarneh, Sh. (ed.) *Online Banking Security Measures and Data Protection*. IGI Global.
19. Gray, D. & Henderson, S.E. (2017) *The Cambridge Handbook of Surveillance Law*. Cambridge University Press.
20. Belkin, R.S. (1986) *Obshchaya teoriya sovetskoy kriminalistiki* [The General Theory of Soviet Criminology]. Saratov: Saratov State University.
21. Berestnev, M.A. (2010) *Metodika rassledovaniya razboynykh napadeniy na avtodorogakh vne naselennykh punktov, sovershaemykh organizovannymi prestupnymi gruppami* [The methodology for investigating robbery attacks on motor roads outside populated areas, committed by organized criminal groups]. Abstract of Law Cand. Diss. Tula.
22. Lebedeva, Yu.B. (2011) Osobennosti dokazyvaniya s ispol'zovaniem spetsial'nykh znaniy v usloviyakh informatsionnoy neprikosnovennosti elementov mekhanizma prestupleniya [Proving with the use of special knowledge in conditions of information integrity of the elements of the crime mechanism]. *Obshchestvo i pravo*. 5. pp. 227–228.
23. Martynov, A.N. (2014) Kriminalisticheskie kharakteristiki prestupleniya i mekhanizma prestupleniya, ikh sootnoshenie v sisteme tipichnykh svedeniy o moshennichestve v sfere kreditovaniya [Forensic characteristics of the crime and the mechanism of the crime, their correlation in the system of typical information about fraud in the sphere of lending]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo – Herald of Omsk University. Law*. 4(41). pp. 210–215.
24. Andreev, A.S. (2015) Postkriminal'noe povedenie lits, svyazannykh s prestupnoy deyatel'nost'yu, na meste proisshestiya (rezul'taty anketnogo oprosa) [Postcriminal behavior of persons associated with criminal activity at the crime scene (results of the questionnaire survey)]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 2(10). pp. 2275–2281.
25. Andreev, A.S. (2013) Teoretiko-prikladnye voprosy utochneniya ob'ekta kriminalisticheskoy nauki [Theoretical and applied questions of the specification of the object of criminalistics]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 5(2). pp. 27–37.
26. Andreev, A.S. (2015) Obshchaya gipoteza kriminalisticheskogo ucheniya o postkriminal'nom povedenii lits, svyazannykh s prestupnoy deyatel'nost'yu [The general hypothesis of

the criminalistic doctrine of the postcriminal behaviour of persons associated with criminal activity]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2(2). pp. 24–28.

27. Andreev, A.S. (2015) Contents and structure the criminalistic doctrine about post-criminal behaviour of persons, connected with criminal activity. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 3. pp. 120–123. (In Russian).

28. Mayer, D., Cava, A. & Baird, C. (2014) Crime and Punishment (or the Lack Thereof) for Financial Fraud in the Subprime Mortgage Meltdown: Reasons and Remedies for Legal and Ethical Lapses. *American Business Law Journal*. 51(3). pp. 515–597. DOI: 10.1111/ablj.12033

29. Vardanyan, A.A. (2011) Crimes related to trafficking people in the context of globalisation trends of illegal encroachments on freedom, honor and dignity of person. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 3(46). pp. 106–109. (In Russian).

30. Vardanyan, G.A. (2016) Prestupleniya v sfere tenevogo farmatsevticheskogo rynka kak ob"ekt kriminalistiki [Crimes in the sphere of the shadow pharmaceutical market as an object of criminalistics]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 1(2). pp. 250–258.

31. Vardanyan, A.V. & Andreev, A.S. (2016) Post-criminal behaviour and the elements of criminalistic characteristics of crimes under Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation (Part 3). *Yurist – Pravoved*. 4(77). pp. 57–64. (In Russian).

32. Knyazkov, A.S. (2012) Tactical and Criminalistic Purposes and Goals to Achieve and to Use Personal Information about the Accused during Investigatory Procedures. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Altai State University Journal*. 2(1). pp. 89–93. (In Russian).

33. Knyazkov, A.S. (2011) Tactical problem as an element of the searching – cognitive activity of subjects in proof in criminal cases. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2. pp. 12–31. (In Russian).